

НАЗАД В СССР

Глава 1

— Сан Саныч!

Ко мне подбежал завпроизводством. Запыхавшийся, форменное кепи набекрень, лицо озабоченное и немного бледное, даже кокарда не блестит, видно, что дела у него не очень. Будто жена с соседкой застучала.

— Сан Саныч! — еще раз выдохнул он, утирая рукавом камуфляжной полевки лоб. — Там в цехе станки встали. Никак шайтан-машины без тебя не хотят работать. Ты бы уж их настроил как-то, чтоб раз и навсегда. У нас заказ ко дню города под угрозой срыва. Понимаешь?

— Станки у нас хорошие, и работают ладно, — хмыкнул я. — Если не лезть дуракам в них.

— Так иди, глянь, Саныч! Сам знаешь, дураков в стране хватает, особенно в нашем цеху...

Новые деревообрабатывающие станки с ЧПУ недавно к нам поступили. При запуске никто с ними сладить не мог, а сервисный инженер для установочного пуска был «выписан» по госконтракту по сроку аж через полгода после поставки самого оборудования. Как тут ждать? И вечно у нас так, все через то место, откуда, если верить расхожей фразе, руки у некоторых растут. Вот и пришлось мне напрячь мозги, покумекать, повозиться с талмудами печатных сопроводительных инструкций, да одного инженеришку из соседнего отряда попытать, чтобы освоить и запустить хитрые машины. Благо жилка у меня какая-то имелась к этому. Сам не знаю откуда. Вроде не ученый и университетов

не оканчивал, но с детства тяготел головой работать, а не руками. Жаль, что в жизни все не так сложилось, как хотелось, и теперь я здесь.

Чудо техники — пятиосевые фрезерные станки с числовым программным управлением могли сострять из дерева буквально все — от вазы до комода, от шахмат до резного табурета.

Я вошел в цех. За мной семенил завроизводством, брящая наручниками на поясе.

— Сан Саныч! — оживились зэки, стряхивая опилки с робы. — Тут фреза чудит! Заготовки, курва, портит!

— Шнырь, — покачал я головой, обращаясь к чернявому парню. — Ты блок управления трогал?

— Не-а! Зуб даю, Саныч...

— А почему тут все сбито? — нахмурился я, покопавшись в коробочке с проводочками и тумблерами. — Какого ежа вы тут ковырялись?

Работяги лишь развели руками. Я обнулil программу и выставил на базовые настройки. То же самое проделал и с другими станками. Теперь должно все работать.

— Короче, рукосуевы, — обратился я к осужденным. — В технику самим не лезть, сколько раз говорил. Меня зовите, если что... И это... — я посмотрел на изделия, что лежали на стеллаже и готовились уйти в покрасочный цех. — Шахмат еще наклепайте. Наборов пять нужно.

— Куда столько? — пожал плечами Шнырь. — Их особо не берут оптовики.

— Не на продажу, — отрезал я. — С Хозяином я перетер, короче, полковник добро дал. Будем соревнования устраивать между отрядами. Шахматы — игра добрая, сейчас немного подзабытая, но мозги развивает как надо. Не все руками батрачить, нужно и извилины напрягать.

— А я не умею в шахматы, — вставил слово зэк по прозвищу Муха, его поддержали еще несколько человек.

— Научу, — парировал я. — Детский мат покажу. Это культурнее, чем взрослый. Как рокировки делать научу. Король без рокировки — что уголовник без татуировки.

Мужики одобрительно загудели. Не сказать, что все прямо горели желанием научиться шахматным премудростям, но здесь на зоне любой движ — уже какая-никакая развлекуха. Разбавить день сурка соревнованиями — почему бы нет. Да и спортивный азарт никто не отменял. У мужчин он в крови, даже у осужденных.

— А я слышал, что шахматистки — это идеальные женщины, — выдал вдруг Муха.

— Чой-та? — наморщил я на него лоб.

— Сами посудите, — лыбился тот и стал загибать пальцы. — Они могут часами молчать, хорошо следят за фигурами и знают много интересных позиций.

Мужики заржали, а я проворчал:

— Хорош галдеть, оболтусы, за работу! Фигурки сами себя не выточат. И самое главное, мужики... Не лезьте в блок управления, не сломайте. А то ни соревнований, ни работы нормальной у вас не будет. Будете опять бетон месить или траншеи копать. Оно вам надо? Геморрой не стоит свеч.

— Кому не ясно?! — помахал кулаком в поддержку моих слов завпроизводством исправительной колонии. — Оборудование беречь, как мать родную! Еще раз подобное случится — и в шизо у меня загремите! Только попробуйте, сломайте мне! Я вам!..

— Та мы просто хотели, это самое... попробовать ускорить процесс, так сказать... Углубить, понимаешь... — пожимали плечами мужики.

— Слышь, Антипыч, — наклонился и шепнул я капитану. — Ты на них не наседай слишком попусту. Вон как стараются, при деле мужики, денежку зарабатывают, и для колонии приработок и репутация. Сам видишь, что наши изделия не барахло, на всю область славятся. Администрации тоже бонус — исправление трудом наглядно демонстрируется. Думаешь, зазря ты на доске почета висишь?

Мы отошли в сторонку.

— Да это я так, Саньч, для острастки, — оправдывался капитан. — Чтобы не дай боже не сломали чего, остолопы.

— Сломают — налажу, — заверил я.

— Это правильно... Хошь верь, хошь нет, а уж больно душа радеет у меня за это оборудование. Считай, ты мне этими самыми станками жизнь наладил.

— Я? Как это? — вскинул я на капитана седую бровь, даже прищурился по-стариковски, соображая, что он имеет в виду.

Честно говоря, я и был уже почти старик, почти шестьдесят годков стукнуло, но так не хотелось считать себя таковым. Столько еще в жизни не успел, не сделал. Вот, на зоне навестать пытаюсь. Хотя это и не самое подходящее место для закрытий давних гештальтов.

— А помнишь, по моей просьбе ты мне поделку — розу выточил? Ту, что пятью слоями лака после облагорожена? — перешел на шепот капитан, будто делишься сокровенным.

— Ну...

— Я же жинке ее на день рождения подарил... И ты знаешь. Ух!.. Все как-то сразу завертелось, закрутилось у нас... Наладилось. Короче, Саньч, ты не поверишь, живем шчас, как двадцать годков назад. Даже того... — он похлопал ладошкой по кулаку, обозначая жестом известное действие между мужчиной и женщиной.

Капитан засиял, кокарда на форменном кепи тоже радостно блеснула.

— Из-за розы? Наладилось? — Я скептически свел брови и поскреб подбородок.

— Ага.

— Деревянной?

— Ну, так ж пять слоев лака!.. Забыл?

— Да помню... А ты пивко-то глыкать бросил каждый вечер?

— Ну... — поджал губы капитан. — Подзавязал, да... Как ты и советовал.

— С мужиками вечерами в гараже не пропадаешь теперь дни напролет?

— Да нет... С дочкой уроки вот вчера делал. Правда, ни хрена не понимаю я в ихней математике. Сложно-о... Ух, чего там в школе им преподают.

- Алина в пятом классе у тебя, — напомнил я.
Капитан развел руками и выдохнул:
— Так в пятом классе математика самая злая. Не веришь? Учебник могу принести.
— Да верю... Только не в розе дело. Не она тебе помогла. Вернее, она тоже, но семье и бабе, Антипыч, внимание нужно, а не безделушки деревянные. Вот у тебя все и наладилось, потому что внял ты моим советам и перестал бесконечные моторы перебирать под жигулевское и горькую.
— Угу... Домашний пока. Но на выходные пойду в гаражи, — мечтательно проговорил капитан. — Я уже и у Любки отпросился. У соседа «шаха» не заводится. Карбюратор барахлит, будем чинить.
— С каких это пор ты стал у жены отпрашиваться? — улыбнулся я.
— Ну так я же говорю... Роза всю жизнь мою изменила. Короче, спасибо тебе, Саныч, жаль, что ты скоро выходишь... Может, недостачу на тебя записать? — подмигнул он. — Или порчу? Чтоб еще на пару годков задержался. Ха!
— Обойдусь. Мне за забором дочку повидать надо.

Я вошел в комнату для телефонных переговоров осужденных в помещении корпуса, который все называли дежуркой. Но по факту, кроме дежурной части ИК-35, там много находилось еще чего. Начиная от кабинетов оперативников и заканчивая психологическими лабораториями. Так было принято называть подразделения психологов. Лаборатории... А мы, значит, подопытные получается?

Сопровождавший меня начальник отряда сразу занял место в особом уголке, где он мог прослушивать телефонные переговоры подопечных.

Чтобы позвонить родным, нам приходилось писать заранее заявление на разрешение, да еще с указанием номера абонента. Бумажку согласовывал начотряда и утверж-

дал Хозяин, так называли начальника колонии полковника Гурьева Сильвестра Андреевича.

В переговорной терлись еще несколько зэков возле телефонных аппаратов, по виду напоминавших громоздкие респектабельные таксофоны.

Я занял свое место возле одного из приборов и услышал, как по соседству Шнырь разговаривал по телефону. Голос у него был необычно высокий, хоть и тревожный, но все равно радостный.

— Мам! Ты мне скажи... Дачу продали? Все получилось? Отлично! Ты денежки положи на карточку, не трать только. Полинке в институт поступать нынче. Да и отцу операцию делать надо, куда уже тянуть. Бесплатно — сама знаешь, сколько ждать. Я тут тоже маленько заработал, на счете копится, как выйду, даст бог, дачку обратно выкупим. Не переживай, если что — другую возьмем. Еще лучше даже! Да нормально все... Ага... Работаю, пашу. Сам удивляюсь, никогда столько не работал. Но интересно... Спасибо тут одному человеку. Вор старой формации, что называется. Он мужик с головой, с администрацией контакт наладил и организовал у нас тут производство деревянных изделий на продажу. Да ты его не знаешь. Морозов Александр Александрович.

Я стоял за спиной Шныря и слушал, как он обо мне своим домашним рассказывает. Шнырь меня не видел, как не видел Серого и Духаря. Ушлые уголовнички, пакостные. Те уже закончили телефонные переговоры и грели уши. О чем-то перешептывались.

Я взял трубку аппарата и набрал номер. Длинные гудки. Пи-ик, пи-ик... Долгие и, кажется, бесконечные.

— Алло, — наконец раздалось на том конце провода.

— Доча, привет! — Мои губы сами растянулись в улыбке, а сердце на миг замерло, а потом забилося чаще.

— Пап, привет! Ты чего звонишь? Случилось чего?

— Ну почему сразу случилось? Все хорошо у меня. Просто звоню...

— Слушай, пап, ты скоро выходишь... Но... Тут такое дело. Я не смогу тебя встретить. Извини.

— Как так? — опешил я. — Почему?

— Да мы с Рубиком в Сочи улетаем. Когда вернусь, не знаю. Ты ключи от квартиры у тети Маши возьми. У соседки из тринадцатой.

— Да знаю я, где Машка живет, — раздраженно оборвал я. — Ты мне лучше скажи, Света, что там за Рубик-кубик такой, что даже родного отца встретить после стольких лет отсидки не можешь.

— Ой, пап, не начинай. Ты сам виноват! Не маленькая, тридцать стукнет уже, а все воспитываешь меня. Ты там, а я здесь, — произнесла она хоть и с возмущением, но как-то безжизненно. — Полжизни так прожили, пора уже смириться, что дочь без тебя выросла.

Я закусил губу... В висках застучало... Что-то неправильное я делал в жизни. Неправильно прожил... С тем, что потерял много своих лучших годков, я еще мог как-то смириться, но теперь я чувствовал, что потерял нечто большее... потерял дочь. То единственное ценное, что у меня было.

Дьявол! Я с силой сжал телефонную трубку, аж пальцы побелели. Вот бы все начать сначала. Все исправить. Но поздно... Не мальчик уже и не юноша, а увядающий угодливник на закате жизни.

Ну выйду сейчас — и кто я буду за забором? Ранее судимый со справкой. Изгой. Урка. А здесь на зоне — уважаемый человек. Саныч. Этакий проводник и переговорщик между контингентом и администрацией. Смотрящий и, в некотором роде, положенец. Сердце ёкнуло. Вот выйду на волю, а там нет ее вовсе. Один куковать буду в пустой квартире и без работы. Что ж...

Но раскисать я не привык и ныть тоже. Это так... минутная слабость. Просто дочурка расстроила. Короче, ЗК Морозов, прорвемся! Все будет... Голова, руки, ноги есть, а денег на первое время хватит. Заработал. В бухгалтерии расчет получу на выходе, а там и работенку найду. В общем, вперед и с песней в новую-старую жизнь. Вот только жаль, что со Светой все так вышло. Не доглядел. Пересидел...

— Ой, ладно, пап! — послышался звонкий и радостный голос в трубке. — Я побежала! Рубик приехал!
— Пока, доча, — сглотнул я комок и положил трубку.

Я зашел в отряд, когда все еще были на работах. Мне, как прорабу, технологу и «активисту» в одном флаконе, в порядке исключения разрешалось свободное перемещение по сектору вне распорядка.

Помещение отряда состояло из огромной бытовой комнаты с двухъярусными кроватями — одной на сотню рыл, комнаты приема пищи, уборной с умывальниками и кабинета начальника отряда.

Неожиданно среди рядов двухъярусных кроватей я заметил еще одного «вольного». Это был Серый. Худой морщинистый тип возраста старого деревенского алкаша. Несмотря на простоватый вид, он таковым вовсе не являлся. Всегда с хитрецей и скользкий, как змей болотный. Мотал срок, вроде, за мошенничество. Причем, попал на строгоач, видимо, ущерб большой был от его деяний, ну или рецидив хватанул.

Сейчас он рылся в тумбочке моего соседа по кровати — Шныря, и меня не замечал.

— Эй! — окликнул я его. — Твоя шконка дальше! Ты что там забыл?

Тот выдернул руку из тумбочки и воровато огляделся. Заметил меня и с облегчением выдохнул, коснувшись кончика носа мазутными пальцами. Вечно у него пальцы, как у трубочиста были. Черные и угольно-грязные. Мы называли его в шутку иногда Серый Черная рука.

— Саныч? — уставился на меня уголовник. — Ф-ух! Напугал. Да я давеча курево брал у Шныря, вот должок ему отдал. Пачку сиг в тумбу закинул. А ты чего не на работе?

— Давление, — буркнул я. — Освобождение у меня.

Соврал. На самом деле после разговора с дочерью просто хотелось побыть одному. Хоть прошел уже день, но

в мозгу сидела гаденькая мысль, что жизнь не в то русло пошла. В кривое и извилистое... Изначально так приключилось со мной по молодости и понеслось-поехало... Но об этом не хотелось сейчас вспоминать.

Серый не захотел вступать со мной в дальнейшие беседы, явно торопился. И, как-то хитро скалясь, мигом улетучился. А у самого морда довольная почему-то, что у барбоса, который нашел масальгу с мясом.

Я подошел к тумбочке Шныря и открыл дверцу. Никакой пачки сигарет там не оказалось. Зато на виду лежала записная книжка соседа.

Я раскрыл ее и полистал. Что же там Серый искал? Ага... Вот и страничка, заляпанная чем-то черным. Отпечаток явно свежий, от мазутного пальца Серого. На этой самой страничке был список телефонов родных Шныря. В том числе и его матери. Вот сука!

В зоне не так часто положены телефонные переговоры, но после находки в тумбочке я сразу написал заявку на еще один звонок. Знал, что Серый и Духарь сделают то же самое, выберут ближайший возможный день для созвона, и не ошибся.

Расчет оказался верным, и в телефонном помещении я снова очутился вместе с ними, как и положено для звонков — в вечернее время. Начальник отряда, майор Пантелеев, мужик бывалый, но по-военному туговатый и с возрастной ленцой. Поэтому Духарь не стал придумывать чего-то особенного, чтобы отвлечь его.

— Алексей Владимирович, — подвалил к нему зэк с просящей миной и запел: — Что-то писем из дома я давненько не получал. Может, цензоры зарубают? Вы уж разберитесь, пожалуйста. Жду не дождусь весточки...

— Савельев, — поморщился на него майор. — Тебе жена никогда и не пишет. Насколько я помню, матери у тебя нет, какие, к чертовой бабушке, письма? Ты о чем?

— Вот не скажите, товарищ майор, как раз бабушка и пишет. Не чертова, а моя. Вы разберитесь, пожалуйста, а то плоха она, как бы не случилось чего.

Духарь встал так, чтобы перегородить обзор майору.

— Ладно... Узнаю, что там по твоим перепискам. Говори данные бабушки.

Я делал вид, что набираю номер дочери, а сам слушал происходящее вокруг. Знал, что Света укатила в Сочи, и я все равно не дозвонюсь, поэтому не торопился тыкать в кнопки. И почему-то был уверен, что у Духаря нет никакой бабушки. Ни чертовой, ни родной...

Зэк тем временем продолжал приседать на уши майору Пантелееву, и тот не слушал телефонные разговоры, как должен был по инструкции. Мой (хотя я еще не дозвонился) и Серого. А я вот слушал... конечно, кроме начотряда переговоры может слушать еще и оперчасть, но они обычно в записи постфактум прослушивают. И то, далеко не всех, сомневаюсь, что они пасли Серого, который шел по 159-й УК РФ, отбывал уже давно и на днях, как и я, должен был откинуться.

— Здравствуйте, Авдотья Глебовна, — сладко и одновременно с киношной грустинкой проговорил Серый, вещал, будто мед лил. — Это звонит друг вашего сына Шныря, то есть Пети.

Мои худшие подозрения оправдались. Вот зачем Серый рылся в тумбочке Шныря. Он узнал телефон его матери и теперь в заявке на звонок вписал вместо своих родственников её номер. Просек тогда, что она деньжатами разжилась с продажи дачи, и решил дельце провернуть. Вот падла...

Я продолжал слушать с пикающей трубкой у уха, плотно прижимая динамик. Казалось, что все вокруг видят мой лжезвонок и слышат гудки. Номер я больше не набирал, делал вид, что жду ответа абонента. А между тем мошенник продолжал накидывать в трубку:

— Ох! Авдотья Глебовна, сын ваш сейчас в лазарете. С ним беда. Ой, не спрашивайте, все плохо. Очень плохо... На него такое хотят повесить! Да вы не волнуйтесь, на са-

мом деле он ни в чем не виноват, просто под горячую руку этим махинаторам подвернулся. Ну вы понимаете... Не понимаете? — Серый начал заговорщически шептать, нагоняя страх на старушку: — Я сильно не могу говорить, а то и мне достанется. Петя просил вам передать, что очень скучает и, если что, чтобы вы на него не серчали и не поминали лихом. Он боится, что больше вас не увидит. Что?.. Да вот так, да... Помочь ему? Ну не знаю... Хотя, тут такое дело... Можно, конечно, попробовать откупиться. Они сумму озвучили, конечно, но я не стал вам говорить, чтобы не расстраивать. Он парень скромный и только позвонить просил, а если пострадает, тут уж... Откуда у вас такие деньги, авось само обойдется как-то. Но на всякий случай я вам его прощальный привет передаю. Петя просил передать, да... Что сколько? Сколько денег? Да какая разница, Авдотья Глебовна? У вас все равно таких нет. Много надо. Как — не могу, конечно, могу сказать. Полмиллиона рублей. Представьте? Ни стыда, ни совести! Что? Как это — есть? У вас есть?! Замечательно! Вы просто спасете моего друга Петьку. Да, конечно, знаю, что он ваш сын. Авдотья Глебовна, миленькая, я сейчас вам номер продиктую, туда сумму переведите, пожалуйста, прямо сегодня, и порешаем все. К номеру телефона карточка привязана, вы знаете, как оно сейчас. Жду... Ага. Взяли авторучку? Все, пишите. 8 902...

Дальше он продиктовать не успел, я резко подошел и вырвал у него трубку.

— Заткнись, гнида!

Глава 2

Серый отпрянул, в бессильной злобе вращая зенками, а я прижал плотнее его трубку к уху и уже спокойно и ровным проговорил:

— Авдотья Глебовна, только что узнал, что с сыном Петром вашим все наладилось. Ага, я тоже рад. Так что не волнуйтесь и денег никуда не вздумайте переводить. Завтра

он вам позвонит и все расскажет. Нет не из лазарета, его выписали. Да там колика была обычная, врачи, как всегда, напутали, сами знаете, какие у нас врачи. Всего доброго и не переживайте. Завтра Петя с вами свяжется, и сами все с ним обсудите. Да мне-то за что спасибо? Я просто передал его слова. Все с ним хорошо... Спасибо. До свидания!

И положил трубку.

— Ах ты, сука! — опомнившись от моей наглости, зашипел Серый, готовый вцепиться мне в горло.

Я незаметно сжал кулак, если что, намереваясь угостить его прямым встречным, но к нам уже спешил начототряда.

— В чем дело, Морозов? — грозно уставился на меня Пантелеев, успев разглядеть, как несколько секунд назад я отнял трубку и приложился к телефону Серого. Дело ясное — не положено.

— А ты запись его разговора послушай, майор, — кивнул я на Серого.

Тот теперь засунул язык в одно место, и спесь как рукой сняло. Вид изображал безобидный и нарочито придурковатый, как у персонажей Крамарова. Но я видел, как подрагивают его ручонки, как скатывается капля по виску, где пульсирует жилка. Пересрался гадёныш. Оно и понятно, его выход на свободу по УДО грозитя накрыться тазом. Ведь если Пантелеев все узнает — налицо еще один состав мошенничества, за которое совокупный срок впаять могут запросто. Пусть как и за неоконченное преступление, через статью тридцатую, но все одно — две трети от предусмотренного срока можно схлопотать. К тому же при непогашенной судимости это будет считаться за рецидив. А это уже отягчающее. Но мне пофиг на проблемы собрата-сокамерника. Да и не собрат мне этот урка, который доверчивых старушек обирает.

Начотряда опешил... Понял, что дело нечисто, но мне на секунду показалось, что он не слишком хочет прослушивать запись. Морда озадаченная, рука затылок скребет. Он глянул на меня и, видя, что отступать я не собираюсь, все же вызвал «кумовьев» (оперативников ФСИН) и сооб-

шил им, что необходимо прослушать запись. Один из них, радостный, сразу ускакал к куму (так мы называли начальника оперчасти). А несостоявшегося телефонного мошенника прямо из переговорной увели в оперчасть.

Серый напоследок зыркал на меня взглядом злобным и ядовитым, что скунс на помойке. Что-то бурчал себе под нос, мол, амба тебе, Мороз, Земля круглая, на краях встретимся.

Я лишь усмехнулся в ответ. Пуганый. Свое Сан Саныч уже отбоялся. Даже мысль поймал нехорошую, что и помереть сейчас мне совсем не страшно. Страшно разве что умереть здесь, на зоне. Хочется все же там, на воле, хоть и чужой и враждебной, но на «воздухе». Как белый человек.

Что ж... поступил я с Серым, вроде как, не по понятиям, но зато по уму, по совести... И никто меня не упрекнет. Ни урки, ни дубари с кумовьями. Последним так вообще «палка» в подарок получилась. Срубили легкое преступление, палка да палка — вот тебе и поощрение от начальства или звание очередное. Да и мне бонус в копилку отношений с администрацией учреждения. Все-таки многие я дела с ними уладил. Мирно жить всегда легче, чем с террором, менее энергозатратно. Хозяин — человек неглупый, но тяжелый, особенно раньше был. Часто буром пер и гайки сидельцам закручивал. И народ тогда администрацию не жаловал. Раньше, помню, на любой бунт и кипиш ээки с пол-оборота поднимались. То жарчка невкусная, то в помещении дубак, ту курилку запретили. Подбивал их на бунтарства Лешка Копытин. Вроде вор в законе, но не настоящий. Апельсином таких называют, это который купил титул себе. Но потом Лешка и вовсе отрекся от АУЕ¹, когда вышел закон, карающий верхушку воров, и поправки соответствующие в УК внесли. Один только факт, что ты вор в законе, навлекал уже пятнашку, причем не строгого, не

¹ АУЕ («Арестанский уклад един») — криминализованная субкультура, в 2020 г. признана Верховным судом РФ экстремистской организацией и запрещена.

особого, а тюряги сразу. Вот и отрекся Лешка, а делишки всё одно свои мутил, пока от тубика не окочурился.

Тогда-то, в безвластие, ко мне стали сидельцы прислушиваться. Даже бывшие Лешкины прихвостни захаживали. Кто за советом придет, кто за помощью. Зона у нас все-таки не черная, а красная, администрация рулит и распорядок соблюдается. И я, как смотрящий, взял на себя заботы по налаживанию отношений между осужденными и администрацией.

Сейчас, конечно, много всего предусмотрено в колониях — и воспитатели, и психологи, а здешний народ, один хрен, на них как на дубарей смотрит, по-волчьи. А я все же — свой. Как говорят урки: «Саныч плохого не посоветует».

Так мой авторитет и вырос. Сам не заметил, как срок пролетел. И, вроде, все сейчас хорошо, да ни с кем не поделишься — червячок во мне где-то сидит глубоко, точит мысль, что нельзя мне за забор. А подумать, и что-то даже не очень туда хочется. Снова на отметки ходить, а участковый, паскуда, глумиться будет. Мол, дед уже, а все по зонам чалишься. Не люблю ментов. Может, и есть среди них хорошие люди, но что-то я их не видел нигде, кроме как в славных советских фильмах. И собак ихних не жалую... Злые они и голодные.

Сердце радостно билось, а в голове почему-то крутилась строчка из известной песни: «...нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы...». Настал день моего освобождения. Долгожданный ли?

А все-таки сегодня с утра я почувствовал себя лет на двадцать моложе. С легкостью подхватил сумки с пожитками и в сопровождении начотряда пошел коридорами на КПП. Шагал я ровно и привычно, но сердце ёкало на каждый третий шаг, сбивая с ритма. Там нас уже ожидали: незнакомый дежурный прапор-дубарь в облегченном ком-